

Павел Чибряков
Что-то...

Рассказы

Павел Чибряков
Что-то... (сборник)

«Издательские решения»

2015

Чибряков П.

Что-то... (сборник) / П. Чибряков — «Издательские решения»,
2015

Большая часть рассказов – мистические. Но что есть мистика, как не только чуть искажённая – не в смысле поломанная, а будто чем-то отражённая – реальность. А может всё дело в том, что большинство людей просто не видят всё, что существует в реальности, не может ощутить всю её гибкость? Или это просто выдумки умеющего складывать слова? Решайте сами. Но всё придёт к реалистическим рассказам. И, опять же, вам решать, что более пугающе.

Содержание

Кубики	6
Солома	12
1	12
2	14
3	19
4	23
5	27
6	30
7	34
Город	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Что-то...
Рассказы
Павел Чибряков

© Павел Чибряков, 2015

© Вера Григорьевна Чибрякова, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Кубики

Молодая женщина с обесцвеченными, но тёмными у корней, волосами закрыла входную дверь, и начала спускаться по лестнице. На ходу она пыталась выправить накладное плечо светлой блузки, которое упрямо задиралось, выпирая ткань. Высокие каблуки звонко стучали по ступеням. По дороге к автобусной остановке, она размышляла о том, что после того, как вчера они «раскланялись, расшаркались, расхаркались» с Кириллом, она теперь вольная птица, сама себе хозяйка. О перспективе отношений с Денисом она подумает позже; а пока отдохнёт от «отношений полов». Людей на остановке было немного, но и их она не стала рассматривать, осознавая, тем временем, что сама является объектом пристального разглядывания.

Когда подошёл нужный автобус, она легко заскочила в него, преодолевая упругое натяжение мини-юбки. Автобус был довольно плотно набит напряжённо дышащими от духоты людьми. Она протиснулась и встала в проходе, держась за поручень сиденья, на котором сидел худой мужчина с большой лысиной. «Мог бы, и уступить место красивой даме, плешивенький», – подумала она с лёгкой ехидцей.

У очередного светофора автобус так резко тормознул, что люди навалились друг на друга, досадуя на неизбежность такого рода близости. Несмотря на все попытки удержаться, она всё-таки навалилась телом на стоящего рядом подростка, ощутив нижней частью лица мягкость его по-детски кудрявых волос.

«Извини, пожалуйста», – сказала она, пытаясь принять устойчивое положение.

Паренёк слегка улыбнулся, чуть пожав плечами. Потом, глядя в окно на проезжаемые улицы, боковым зрением она заметила, что лысый мужчина неотрывно смотрит на её живот, довольно туго перетянутый поясом юбки. «Ты ещё и озабоченный», – подумала она, вздёрнув подбородок.

В какой-то момент ей показалось, что глаза мужчины блеснули чёрным. Решив, что это просто отблеск, игра светотени, она продолжила смотреть в окно. Вдруг, её взгляд упал на серопёструю гладь проносащегося справа налево асфальта, и она уже не могла оторвать от него глаз. Вскоре она почувствовала головокружение и дурноту. Она ощутила, как её ведёт в сторону, и она начинает заваливаться набок. Несмотря на все попытки удержаться за поручень, неприятно ослабевшие пальцы разжались, и она тяжело осела вниз, почувствовав влагу между ног. «С чего бы это?», – затухла удивлённая мысль.

В этот день Мишка не мог усидеть дома. Его тянуло куда-нибудь пойти, просто погулять. Он решил съездить на набережную. Там почти всегда сидели художники, рисуя на заказ портреты всем желающим. Мишке нравилось наблюдать за сноровистыми движениями их рук; казалось, рисовать – это так легко и просто. В свои четырнадцать Мишка был ещё по-мальчишески худошав и не очень высок. Это его немного тяготило, но для себя он решил, что коль уж таким уродился – таким и жить. Судьба, стало быть. Он вообще был довольно рассудительным и спокойным.

В автобусе он сначала нашёл свободное место, но потом уступил его неприятно толстой, надрывно сопящей женщине. Автобус постепенно заполнялся; люди всё чаще отирались друг о друга, протискиваясь к выходу, или наоборот. Внезапно, в общей духоте приятно пахнуло женскими духами. Чуть повернув голову, Мишка увидел, что рядом с ним встала симпатичная молодая женщина с обесцвеченными волосами и красиво пухлыми губами.

Когда автобус резко затормозил, и люди невольно мотнулись по направлению движения, Мишка почувствовал, как на него навалилось тело женщины, почти сразу отстранившись, но оставив ему память об ощущении приятной упругости. Она извинилась приятным голосом. Он смог только кивнуть и улыбнуться в ответ. Как бы он хотел сказать ей хотя бы пару слов в ответ на её извинение. Он был уверен, что смог бы хорошо ответить, если бы не был немым.

Его врождённая, ничем не объяснимая немота была самой тягостной его проблемой. Невозможность высказать свои мысли, суждения, сильно осложняли ему жизнь. И перспективы будущего были ещё мрачней. И хотя выразительная мимика его лица несколько компенсировала немоту, было очевидно, что этого будет недостаточно в дальнейшей жизни. И вот сейчас снова эта проблема выступила на поверхность сознания. Мишка, как мог, подавил вздох, и перевёл взгляд на проезжающие мимо машины.

Некоторое время спустя Мишка почувствовал какую-то непонятную и неприятную тревогу. Он только начал оглядываться, когда стоящая рядом, та самая, женщина стала оседать вниз, и, в конце концов, повалилась на резину автобусного пола. Люди заволновались; кто-то крикнул:

«Остановите автобус! Тут женщине плохо».

Люди умудрялись расступиться, хоть немного освободив пространство. Пожилой мужчина похлопывал её по щекам, пытаясь привести её в чувство. Мишка заметил, как под ней начинает расплываться мокрое пятно, и, потрепав мужчину по плечу, тревожно указал ему на это.

«Чёрт! – пробормотал мужчина. – Плохо дело». – Он поднял голову и чуть повысил голос: «Так, её срочно нужно в больницу».

На задней площадке какой-то человек, прильнув к окну, пытался вызвать по мобильному «скорую помощь». Мишка, не в силах оторвать взгляд от лежащей без сознания женщины, краем глаза заметил, что сидящий лысый мужчина равнодушно смотрит в окно, не обращая никакого внимания на общую тревожную суматоху. «Сволочь равнодушная!», – зло подумал Мишка, и вновь всмотрелся в красивое лицо женщины, надеясь заметить проявление сознания. Имея довольно смутное, в силу возраста, представление о женских делах, Мишка всё-таки понимал, что тут положение очень серьёзное.

Наконец женщину осторожно вынесли из автобуса и положили на принесённое водителем, довольно грязное одеяло. «Скорая» приехала на удивление быстро, и, видя деловое спокойствие и быстрые действия врачей, Мишка почувствовал облегчение и надежду на то, что с этой красивой женщиной всё будет в порядке, и она будет жить просто потому, что красота как таковая достойна жизни. Это было ясное, отнюдь не сформулированное словами, понимание, которое он просто чувствовал, не обдумывая.

Проводив взглядом фиолетовую мигалку, Мишка решил прогуляться пешком, неважно куда. Вскоре его нагнал автобус, в котором он ехал, и Мишка увидел в заднем стекле того самого равнодушного лысого мужика. Повинуясь внезапному порыву, Мишка резко выкинул вперёд кулак с оттопыренным средним пальцем и постарался придать лицу выражение брезгливого презрения. Почти сразу после этого автобус повернул направо, и Мишка не увидел, как искажилось лицо лысого.

В свои семнадцать, Нина была уже довольно зрело сложенной девушкой с очень симпатичным лицом. Это довольно приятно ощущать себя привлекательной и притягивать к себе внимание людей, ничего для этого не делая; просто, будучи такой, какая есть. Правда, иногда это стоило довольно неприятных моментов. Например, на днях один лысый хмырь в трамвае лапанул её по заднице. Причём не просто там погладил или похлопал, как некоторые наглые

парни, а с сильным нажимом провёл пальцами между ягодиц, напоследок надавив на копчик. От этого по нижней части тела пробежали мурашки, и всё сжалось. Самое неприятное заключалось в том, что это не было так уж неприятно. Она резко обернулась и наткнулась на спокойный, почти равнодушный взгляд мужчины с большой лысиной. Она хотела высказать ему что-то гневное, но не смогла произнести не звука. Словно зная это, мужик криво усмехнулся, привалился к ней вплотную и противно-жарко прошептал ей на ухо:

«Уже пора чувствовать, девочка. Пора.»

Оттолкнув его, она метнулась к дверям, с нервным нетерпением дождалась очередной остановки, и выскочила из трамвая, чувствуя, как колотится сердце, и нервно закусив дрожащие губы. В ту ночь она долго не могла уснуть, ворочаясь в сбитой постели.

После этого неприятный осадок в душе и какие-то склизкие мысли не давали полностью расслабиться и насладиться летним бездельем. Общаться с друзьями не хотелось; как будто в ней появилось что-то, чего она бы не хотела, чтобы увидел кто-нибудь. Эффект первого прыщика возведённый в абсолют.

Благо, старшая сестра оставила на несколько дней маленькую дочку, так что «тётя Нина» отвлеклась от мерзостных переживаний вознѣй с племяншкой. Трёхлетняя Танька могла быть бесѣнком и ангелочком практически одновременно. Только начнёшь на неё сердиться, а она уже самая милая паинька на свете. Поди, накажи её.

Вот и сейчас она, ни с того ни с сего, рванула со двора на оживлённую улицу, явно норовя пробраться поближе к проезжей части. С криками «Таня стой! Не смей!» Нина бросилась за ней, со страхом понимая, что может не успеть. И тут на танькином пути появился кудрявый подросток. Он преградил ей путь, приняв позу шерифа с дикого запада, уперев руки в бока и склонив голову к плечу, придав лицу вопросительное выражение.

Танька, замерев на пару секунд, попыталась обойти его, но он шагнул в ту же сторону. Потом они повторили это в противоположном направлении. В этот момент подбежавшая Нина схватила племянницу на руки и сильно трянула.

«Я тебя убью! – пообещала она довольно искренне. Потом обернулась к пареньку и сказала: – Спасибо большое».

Тот, улыбнувшись, кивнул в ответ, потом неожиданно дёрнул надувшую губѣнки Таньку за жиденькую косичку, показал ей язык, и, широко улыбаясь, пошёл прочь. Обалдевшая от таких дел Танька смотрела ему вслед, приоткрыв от удивления рот. Провожая его взглядом, Нина подумала:

«Немой, что ли?»

Она давно уже была немолода. Признавать это ей приходилось поневоле – хочешь, не хочешь, а смотреться в зеркало, чтобы хотя бы причесаться, приходилось каждый день. Да и внимание к себе она ощущала всё реже и как-то по-другому. И вот недавно наблюдала с презрением, как один лысый козѣл пристал в трамвае к сопливой акселератке. Попка её его манила! Извращенец. Ещё нашептал ей чего-то. Она, бедняжка, аж взвилась с непривычки. Ничего, привыкнет. А этим сволочам только молоденьких подавай. Не первой свежести хрен, а всё туда же. Кстати, у меня задница покруче, во всех смыслах, будет. Да и грудь помощней. Так нет же, на малолецкую свежесть позарился, хрыч плешивый. Когда девчонка выскочила из трамвая, она попыталась обдать его полным презрения взглядом, но он этак неспешно оглядел её с ног до головы, криво усмехнулся, и тихо произнёс:

«Жирновата будешь, старушка. И задница, наверняка, вся в комках. А думаешь, небось, о молодом и поджаром. Остынь, морщинка».

У неё перехватило дыхание и загорелось лицо под густым слоем тонального крема. Цыкнув зубом, и всё так же ухмыляясь, он ушёл в другой конец трамвая. Выйдя на своей остановке, она долго стояла, глубоко дыша, и чувствуя, что у неё начинается очередной приступ мигрени.

Маленькая Лида была очень удивлена, почему обычно такая ласковая баба Надя на этот раз обращалась с ней так сухо и даже строго. Ей даже расхотелось рассказать ей по секрету о том, что ей нравится соседский Славка; ей так хотелось поделиться этим хоть с кем-нибудь. С мамой бабушка тоже разговаривала громко и нервно. Они обменивались какими-то непонятными, и неприятными на слух, словами. Было что-то пугающее в словах «климактерический психоз» и «истерическое неприятие собственного возраста», которые резко высказала мама. А бабушкины слова «похотливые мокрошелки» и «бесстыжие давалки» и вовсе казались противными как плесень на старом хлебе.

Лида очень обрадовалась, когда они с мамой, наконец, пошли домой по вечерним улицам.

Она видела, что мама расстроена, и старалась быть тихой и незаметной. Это было совсем не трудно, потому что больше всего её занимали мысли о том, увидит ли она сегодня во дворе такого симпатичного Славку, или его уже загнали домой родители.

Внезапно, совсем рядом, раздался страшный грохот. Вздогнув, мама крепко прижала её к себе, одновременно поворачиваясь в сторону, откуда раздался грохот. Оказалось, что это большая синяя машина врезалась в стоящий у дороги тополь. В машине был только водитель, и он с трудом вылез из помятой дверцы, посмотрел на смятый в гармошку капот, как-то слабо махнул рукой, и опустился на асфальт, устало привалившись спиной к машине.

Вокруг начали собираться люди, подъехало и остановилось несколько машин. Постояв ещё немного, Лида с мамой продолжили свой путь домой. Несколько раз Лида оглянулась назад; ей было очень жалко дяденьку из разбитой машины – он казался ей таким несчастным, беденьким.

О том, что Татьяна в больнице, и у неё случился выкидыш, Кирилл узнал от её подруги, которую встретил в универмаге. Это известие вызвало в нём смешанные, смутно-тяготные, чувства. Они расстались буквально на днях, и вот.... Последнее время их отношения были какими-то провисшими что ли. Казалось, что Татьяна постоянно ищет повод для ссоры.

В конце концов, он понял, что она хочет разбежаться, но не желает чувствовать себя инициатором разрыва. Ему вовсе не хотелось терять её, но и продолжать отношения в таком ключе было невыносимо. Наконец он решил, и спросил напрямик:

«Ты хочешь уйти? Но разве для этого обязательно надо разругаться в прах?».

Она тут же взвилась:

«Хочешь, чтоб я ушла, да? Нашёл себе другую?».

Он печально покачал головой:

«Тебе нужен повод, чтобы уйти – я даю его тебе. Уходи», – сказал он тихо, но резко.

Поджав губы, Татьяна вышла в прихожую, где довольно долго возилась, надевая туфли: ей не хотелось наклоняться, а туфли на высоких каблуках всё время падали, не давая ей просунуть ноги в свою узорь. Обувшись, она выбежала из его квартиры, не закрыв дверь.

И вот, эта новость. От кого она забеременела? От него, или от кого-то другого? Впрочем, без разницы. Он представлял, как она сейчас лежит на больничной койке в болезненном состоянии, и ему было тоскливо и беспокойно. Он прекрасно понимал, что между ними всё кончено, но это лишь усиливало его печаль и тоску.

Промаявшись больше суток, он всё-таки решил съездить в больницу и хотя бы просто узнать о её состоянии. Поскольку уже был вечер, он опасался, что его могут просто не впустить

в больницу; а он твёрдо решил добраться до дежурного врача и вытребовать у него всю информацию о состоянии Татьяны.

Он гнал машину на предельно допустимой скорости, когда увидел, как справа на проезжую часть вывалился лысый мужик со странного вида свёртком в руках. Кирилл вывернул руль влево, и практически в тот же момент понял, что неминуемо врежется в дерево.

Он всё-таки смог немного отвернуть в сторону, и врезался только правой частью капота. Его голова резко дёрнулась вперёд, неприятно рванув шею. Ремень безопасности больно врезался в левое плечо. Немного посидев и придя в себя, Кирилл выбрался из машины. Было очевидно, что в больницу он сегодня не попадает ни в каком виде. А завтра... От нахлынувшей печали буквально хотелось заплакать. Он опустил на корточки и привалился спиной к машине, закрыв лицо руками.

Как всегда, вокруг начали собираться люди, бормотно обсуждая произошедшее. Но среди них не было никакого лысого мужчины со странным свёртком; и неизвестно, был ли он вообще.

Последнее время Ирина почти постоянно прибывала в подавленном настроении. Вроде бы и особых причин для этого не было, а на душе было смутно. Личная жизнь – дурацкое выражение; как будто не вся жизнь наша личная – прибывала в коматозном ступоре. Тут ещё школьная подруга попала в больницу с совершенно «сюрпризным» выкидышем. И надо было ей проболтаться об этом её бывшему хахалю. Если что, Танька её потом загрызёт к чертям.

Вообще-то, Кирилл не плохой мужик. И чего ей обжималось? «Слишком правильный», «не по-мужски нежный», «зануда». Кого ей надо? Байкера-рокера, что ли? Приключений на крутую задницу зажелалось. Нет, бабёнка она хорошая, только заморочками каким-то иногда мается.

Вон, сама Ирина уже полгода не может одного мужика скадрить. Вроде не извращенец. И Юлька – кабинетчица-минетчица – говорила, что не последний мужик. Но какой-то он апатичный. Не садиться же перед ним, раздвинув ноги, как некоторые, чтобы привлечь его внимание. А привлечь хотелось бы. Он, конечно, не Джонни Депп, но... хочется, что ж себе то врать? Ладно, Игорь Петрович, ещё пересечёмся. Интересно, а он...

Он лежал на диване, слушая диск Вангелиса, и размышляя... ни о чём. Мысли просто перетекали друг через друга, шестерёночно цепляясь одна за другую. Их общая тональность была подавленная. Тяжела и неказиста жизнь заурядного уроды. Да, он всегда считал себя уродом. Неважно, что там думают другие – это его самоопределение, и оно истинно.

Несмотря на то, что вроде бы и образованный, и работа престижная, и разбирается во многих вещах, и вкусом не обделён, внутри он ощущал себя никому не нужным объектом. Именно так, объектом.

Он был убеждён, что ни одна женщина не захочет даже представить себя в постели с ним. Хвала богам, существуют давалки-пофигистки – легко, и без всяких претензий. Блям, и разбежались. Хотя от этого становится отупело пусто на... душе, что ли. Вон на днях увидел красивую женщину на остановке. Она даже не взглянула в его сторону. Впрочем, она вообще ни на кого не посмотрела. Увидев, как она садится в автобус, как при этом юбка обтянула её бёдра, чуть собравшись складками, он поддался внезапному порыву, и заскочил в тот, совсем ему не нужный, автобус.

В автобусе ей вдруг стало плохо, и он вызвал для неё «скорую» по мобильнику. Потом он помог вытащить её наружу, и присел с ней рядом. Странно, но ему хотелось оказаться на месте того человека, который будет переживать за её здоровье, а потом помогать ей прийти в себя и пережить этот неприятный момент. Наверное, это здорово – проявить заботу к тому, кому, как ты знаешь, ты дорог. Знать бы, как это в ощущениях. Знать бы.

«У меня в детстве была замечательная головоломка – Кубики. Это были девять кубиков, на грани которых были наклеены бумажки с фрагментами картинок, которые и надо было собирать в единое целое, составляя кубики друг с другом в квадрат три на три. Потом, когда все шесть картинок приелись, стало интересно разрушать их. Для этого надо было перевернуть, по крайней мере, три кубика; только тогда терялась целостность рисунка. С крайними было просто – надавливаешь посильней на немного острую грань, и опаньки, целое уже не цело. Чтобы окончательно раздробить картинку, надо было перевернуть четыре кубика. И иногда фрагменты разных картинок создавали занятные, странные сочетания. А вот с центральным кубиком было сложнее. Он соприкасался со всеми остальными, и чтобы его перевернуть, надо было, чуть раздвинув другие, вытащить его из центра, перевернуть как угодно, и вставить обратно, придвинув остальные к нему.

И, наверное, поэтому центральный кубик казался мне важнее, значимей других. Правда, практически никогда один и тот же кубик не был центральным в разных картинках. С годами, я понял, что люди, по сути, очень похожи на кубики – они соприкасаются друг с другом, составляя единые картинки жизни. А как, интересно, оказалось, переворачивать эти кубики.

Взять хотя бы ту молодую в трамвае. Достигнув просто сочащейся спелости, она осталась в неведение о чувственности. Я приоткрыл ей вход в мир ощущений, кайфа, если угодно. Да, для неё я – лысый извращенец; но я то знаю, что сделал. А та старая швабра меня устыдить пыталась! Дура.

И та крашенная шалавка – ну зачем ей неожиданный ребёнок? Я её просто освободил от мучительных размышлений: делать или не делать аборт. Лучше уж неожиданный выкидыш, чем нежеланный выродок, не так ли? Разве плохо, когда облегчение приходит даже раньше, чем проявляется проблема? Особа здоровая – придёт в себя, ещё рада будет сексуальной волюшке. Говорят, что после аборт у некоторых повышается чувственность. У этой уж точно...

Это так замечательно, когда ты можешь «переворачивать кубики», меняя картинки реальной жизни. Современным детям, выросшим на плоскостных головоломках, и в голову никогда не придёт, что люди – как кубики, и их можно переворачивать. И не смогут ничего переделать. А я могу.

Солома

1

Иногда человек может перегореть. Не как лампочка – тогда это уже покойник, – а как голод. Это когда испытываешь голод и не имеешь возможности его утолить, в конце концов чувство голода исчезает; то ли желудок перестаёт посылать сигналы, то ли мозг отказывается их принимать по причине бессмысленности. В любом случае, человеку становится спокойно, он практически нормально себя ощущает, не считая, возможно, некоторой слабости в ногах и лёгкой заторможенности в мыслях. И существует два варианта, когда человек, наконец, добирается до пищи – либо при первом же куске, попавшим в рот, голод «просыпается», захлёбно наполняя рот слюной и превращая поглощение пищи в невероятное удовольствие, либо нет, и тогда человеку приходится просто пихать в себя пищу, потому что «надо». То же самое может произойти с человеком в целом.

Глеб и был таким вот перегоревшим человеком. Конечно, ничего такого он не осознавал, а просто жил постольку поскольку жил. В свои тридцать семь он был малоприметным художавым человеком, с бессмысленным опытом двух браков (второй, правда, был «гражданским») за спиной, работающим в магазине дисков.

Он всю жизнь работал в подобных магазинах, а иногда в «магазинчиках», хотя закончил Институт Культуры, факультет режиссуры. Как они с друзьями шутили, «факультет массовиков-затейников». Но ничего «затевать с массами» ему не хотелось, и он, по приглашению одного знакомого, пошёл работать в его только что открывшийся магазин компакт-дисков.

Тогда, в начале девяностых, компакт-диски воспринимались как... нечто, в общем. Почти «шик». Ведь тогда то, что ты не только перебираешь, но и покупаешь диски, означало, что у тебя есть на чём их слушать, а стало быть ты «крут». Да и в том, что ты советуешь что-то клиентам, или рассуждаешь о дисках с каким-нибудь постоянным клиентом, чувствовалось что-то значимое. Кто мог подумать, что через несколько лет CD и DVD станут такими же обыденными вещами, как магнитофонные кассеты и видеокассеты?! Впрочем, эти когда-то, в восьмидесятые, тоже обладали не хилой значимостью. Рано или поздно, всё становится обыденным. И теперь он был просто продавцом дисков, и значимости в его работе ощущалось немногим больше, чем у сомнительного вида девок и баб, когда-то торговавших видеокассетами в привокзальных ларьках.

В то утро, как обычно по будням, Глеб был разбужен в семь часов включившимся по программе музыкальным центром. Первой была обычная досада на то, что необходимо встать... ну и так далее. Затем появилась вторая, с привкусом облегчения, досада на самого себя за то, что он забыл накануне «скинуть» программу включения «музыкалки». Ведь, несмотря на понедельник, у него был выходной, поскольку он работал в субботу и воскресенье. Сонно нащупав пульт на стоящем около дивана, на котором он спал, журнальном столике, Глеб выключил аудиосистему и быстро заснул опять.

Вторично он был разбужен в одиннадцатом часу каким-то непривычным звуком. Вообще-то, это был просто звук открывающихся замков. Вот только Глеб никогда не слышал издали, как открываются его замки. Не им открываются. Естественно, первой мыслью было «воры лезут!».

Он успел вскочить с дивана и натянуть трико, когда в комнату не спеша вошёл явно очень хорошо одетый мужчина неопределяемого в своей зрелости возраста. Взглянув на стоящего перед ним в одних трико, что только усугубляло худобу его тела, Глеба, он слабо улыбнулся.

«Доброе утро, Глеб», – сказал он низким голосом.

«Ты кто такой, чёрт возьми?! – тихо, но зло, спросил Глеб. – Какого хрена тебе надо?!».

Глебу было понятно, что этот мужик – не вор. И поэтому абсолютно не понятно, кто он такой. А незнакомец втянул носом воздух комнаты и улыбнулся чуть шире.

«Явственный запах перегоревшего человека. На любителя, конечно, но что-то в этом есть».

«Слышь, ты, каннибал недоделанный, я ещё даже не убит и не потрошён, чтобы быть „перегоревшим“. Кулинар хренов!», – вяло-зло высказался Глеб, спешно надевая футболку.

Незнакомец, продолжая тенисто улыбаться, сел в любимое глубокое кожаное кресло Глеба и положил ногу на ногу. Глеб машинально отметил, что на незнакомце очень дорогие туфли. Глебу самому нравилась дорогая обувь, так что он невольно оценил вкус «гостя».

«Гость» тем временем расстегнул пуговицу своего очень хорошего пиджака, развёл его полы, открывая вид на шёлковую рубашку цвета морской волны, и спокойно произнёс:

«Я использовал определение „перегоревший“ не в кулинарном смысле. Перегоревший человек – это тот, в ком атрофировалась большая часть чувств, эмоций и желаний».

Глеб, чтобы не «торчать» перед сидящим незнакомцем, сел на диван, предварительно спешно расправив на нём одеяло. Хмыкнув с кривой улыбкой, он спросил:

«А с чего ты взял, что я – такой?».

«Ну-у, это же очевидно! Ты сам подумай. Ведь последние два-три года ты не испытываешь никаких чувств и желаний, кроме чувств голода, жажды, и желания испражниться. У тебя даже сексуального желания не возникает. Ты когда последний раз сексом занимался? Я уж не говорю о любви».

Глеб был вынужден признать, про себя, что незнакомец прав. Вообще-то, он никогда не отличался особым «сексуальным аппетитом», но в последнее время... Интересно, это патологично или...?

«Ну, допустим, – произнёс Глеб фальшиво согласным тоном. – Но ты-то откуда это знаешь? И вообще, кто ты такой и чего тебе надо?».

«Кто я такой – узнаётся постепенно. Иначе не получается. Что касается того, что мне нужно... Я хочу предложить тебе работу».

«У меня есть работа и она меня устраивает».

«Полно, Глеб! Когда работа просто „устраивает“ – это проживание, а не жизнь. Я предлагаю тебе ТВОЮ работу».

«А если я не соглашусь?».

«Это не имеет значения. Да и смысла. Поверь мне».

«С какого перепуга я должен тебе верить?».

«Например с этого, – сказал незнакомец, улыбнувшись чуть шире, чем прежде. – И с некоторых других. И ещё со многого-многого».

Глеб действительно почувствовал некоторый испуг. Очень лёгкий. Внезапно он ощутил противный запах – будто на раскалённую конфорку уронили тонкий (почему-то представлялось, что именно тонкий) кусок пластика. Потом все чувства, включая лёгкий испуг, были затоплены ощущением того, что теряется сознание. Благо, можно было просто завалиться на бок, и ещё хорошо бы успеть поднять ноги на диван, а то затекут. До последнего мерцания сознания Глеба досадила самая малость – незнакомец продолжал сидеть в его любимом кресле, спокойно наблюдая за его «отключением».

С того дня прошло полтора года. Теперь у Глеба была настоящая работа. ЕГО работа. И теперь у него было всё, что нужно. И когда нужно. Знания, представления, понимание. Он уже начинал понимать, кем является Владимир Каземирович – так звали того франтоватого незнакомца. Вот только это понимание ощущалось им как не самое радостное, мягко говоря. И ещё эти запахи... Но это – вопрос привычки, скорее всего. А так – у него всегда было то, что нужно в этот конкретный момент. В том числе – ключи.

2

Довольно просто – отличить, по одежде, среди прохожих алкоголика в его трезвый день. Обычно, это явно поношенный пиджак от одного костюма, брюки, более поношенные чем пиджак, от другого, застёгнутая на все пуговицы рубашка в клеточку, на ногах, в лучшем случае, дешёвые кроссовки, а то и сандалии, надетые на носки. А на лице проступает выражение гордости. Ведь в этот день он уверен, что сегодня он наравне с другими: сегодня никто не может заподозрить в нём алкоголика. Иногда вид такого человека, почему-то, ассоциативно «навевает» запах затхлости – будто плохо просушенную вещь сложили и довольно долго хранили в закрытом прохладном месте. А потом зачем-то вытащили.

Егор помнил всё это из своей прошлой жизни, так что теперь, будучи конченным алкоголиком (хотя не конченных алкоголиков не бывает), старательно избегал «выставляться» подобным образом. Он прекрасно сознавал, что даже будучи трезвым, он остаётся алкоголиком. Вдрызг конченным. Поэтому, оставаясь «сухим» эти три дня – чем он воспользовался, чтобы элементарно привести себя в порядок хотя бы гигиенически, – он не испытывал и тени гордости за себя, а тем более, выходя на улицу, не пытался притвориться «нормальным». Он прекрасно сознавал, что всё это скоро закончится и он опять запьёт. Быть может на этот раз, наконец-то, в последний раз?

Сдав омерзительно множественное количество бутылок скупщику оных, расположившемуся в соседнем дворе рядом с небольшой пирамидой бутылочных ящичков, Егор намеривался пойти в магазин и купить пару бутылок хорошей водки. Он всегда начинал запой с хорошей «водочки». Это потом он будет ходить (громко сказано!) в соседний подъезд и покупать разбавленный спирт у старухи из сорок третьей квартиры. А для начала для хорошей водки нужна ещё и более-менее приличная закуска. Возможно даже, типа «окорочка-гриль».

Но вместо магазина он оказался дома. Именно так – оказался. Он пришёл в себя, и обнаружил, что находится в своей квартире. Он совершенно не помнил, как здесь очутился. А главное – почему, собственно?! Ведь у него были совсем другие планы! Что за хрень такая?!

Сначала Егор убедился, что все деньги при нём, потом бессмысленно обошёл всю свою квартиру (он никогда не понимал, почему её планировка называется «малый трамвай»), зачем-то заглянув в туалет, затем остановился под низким потолком «арки», ощущая чуть тревожную растерянность. Но вскоре она сменилась знакомым, и поэтому успокаивающим, уверенным осознанием того, что ему необходимо срочно выпить.

Облегчённо вдохнув, он вышел из квартиры.

На скамье у подъезда сидел мужчина, в котором практически всё было неопределяемо. За исключением явно хороших коричневых туфлей, которые на удивление хорошо сочетались с тёмно-синими джинсами. Когда Егор вышел из двери подъезда, мужчина поднялся со скамьи и сделал пару шагов как бы наперерез Егору. Егор сделал испытующий шаг вперёд, так и замерев в нём, слегка вопросительно глядя на незнакомца. Во всей этой ситуации ему виделось что-то глуповато нелепое.

Спокойно взглянув Егору в глаза, незнакомец сказал нейтральным тоном:

«Запой в ближайшей перспективе отменяется».

«Это почему?!», – спросил Егор насмешливым тоном, в который примешивалось лёгкое удивление.

«Работа есть», – ответил незнакомец всё тем же тоном.

«А с чего ты взял, что я соглашусь на какую-то там работу?!», – насмешливо спросил Егор.

«А куда ты денешься!», – с лёгким высокомерием, без малейшей вопросительности, выговорил мужчина, позволив своим губам чуть изогнуться в кривой усмешке.

В этот момент к ним подъехала не новая «Тойота», как ни странно, с правым рулём. «Садись», – сказал незнакомец Егору, указав на правую заднюю дверь. Сам он явно собирался обойти машину сзади и сесть с другой стороны.

«Да ты кто такой, чёрт возьми?!», – с некоторым возмущением спросил Егор.

Остановившись у багажника, мужчина повернул голову к Егору и сказал:

«Меня зовут Глеб. Я – твой... что-то типа работодателя, в общем. Со временем, ты всё выяснишь. Садись».

Каким-то образом сознавая, что упираться – глупо, Егор сел в машину. Как только они усадились на заднем сиденье и захлопнули двери, машина тронулась с места. Когда они вырулили со дворов на широкую улицу, Егор спросил:

«И что за работа такая, можно узнать?».

«Ты ведь филолог по образованию. Вот и поработаешь по специальности».

Услышав это, Егор криво усмехнулся, выпустив на лицо досадливо-печальное выражение.

«По образованию я – учитель русского языка и литературы. Но учитель из меня не получился. И не мог получиться, как я, в конце концов, критически запоздало осознал. По призванию, я – дворник и алкоголик. Тебе нужен дворник?».

«У меня есть работа, для которой мне нужен ты», – спокойно ответил Глеб, неотрывно глядя в окно на скользкий назад уличный пейзаж.

Через некоторое время они въехали в тот район города, который из некогда просто «спального» быстро превращался в «элитный». Просто здесь были построены, и строились ещё, несколько современных жилых комплексов, в которых были «такие квартиры!», и по «таким» ценам, что было затруднительно представить – какие такие люди в их небольшом (всего лишь средненьком «областном центре») городе могут позволить себе «такие хоромы». Но такие люди, конечно, были. Несколько нелепым казалось то, что из-за этого даже «хрущёвки» в этом районе стояли значительно дороже, чем в других местах.

Когда они выехали на широкий проспект, Глеб взялся за ручку над дверью и кивком с взглядом велел Егору сделать то же самое. С некоторым недоумением Егор подчинился, но, в отличие от Глеба, напрягаться не стал. А зря. Внезапно машина вильнула вправо и, не снижая скорости, врезалась в стоящий у обочины ЗИЛ. Егора мотнуло на высокую спинку переднего сиденья, но поскольку он инстинктивно выставил вперёд левый локоть и, как-никак, всё-таки держался правой рукой за ручку, обошлось без травматизма.

А вот водителя, который не был пристёгнут, сначала ломануло грудью в руль, а потом внесло головой в лобовое стекло, густые трещины которого он сбрызнул тёмной кровью. Переведя дыхание одновременно с осознанием, что всё обошлось, Егор спросил у Глеба с некоторым оттенком юмора:

«Это его обычный способ останавливаться?».

«Мы приехали. Выходим», – вместо ответа сказал Глеб, открывая свою дверцу.

Чуть пожав плечами и, типа на прощание, взглянув на явно «представившегося» водилу, Егор тоже вылез из машины. На довольно широком тротуаре уже собирались зеваки, с любопытством разглядывая результат ДТП, норовя что-то обсудить. Но, что показалось Егору немного странным, никто из них не обращал никакого внимания на «уцелевших».

Протиснувшись сквозь зевак, Глеб пошёл по тротуару к проходу между домов. Шагая чуть позади него, Егор спросил:

«Тебя не интересует судьба твоего водителя?».

«А он не мой водитель, – не оборачиваясь, ответил Глеб. – Его задача была – довезти нас до места, и он её выполнил».

«Всё страньше и страньше», – пробормотал Егор, сморщив лоб поднятием бровей.

Вскоре они подошли к стоящему во дворах шестиэтажному дому, вошли во второй подъезд, на лифте поднялись на четвёртый этаж, где Глеб позвонил в квартиру под номером тридцать восемь.

Дверь открыла невысокая, нормально плотная, девушка с пепельными волосами, урезанными в короткую причёску. На вид – скорее всего, из-за роста и небольшой груди – ей можно было дать лет шестнадцать-семнадцать, но Егор как-то понял, что она несколько старше. Что-то такое было в её взгляде. Или наоборот – чего-то в нём не было.

Девушка мельком взглянула на Егора, как обычно они взглядывают на изначально малоинтересных им мужчин, затем посмотрела на Глеба и произнесла нейтральным тоном:

«Глеб, привет».

«Привет, Катерина. Знакомься, это Егор – твой новый жилец. – Он чуть обернулся к Егору: – А это – Катерина. Она не даст тебе умереть с голоду. Но ничего другого тоже не даст».

Бросив на Глеба слабо упрекающий взгляд, Катерина поздоровалась с Егором, на этот раз, имея «законные» основания, рассмотрев его получше. А Егор про себя отметил, что именно эта форма имени – Катерина – больше всего подходит к этой девушке с короткими волосами, одетой в просторную зелёную футболку и не очень длинные, в меру широкие, шорты цвета светлого хаки.

Переступив порог, Глеб с некоторым удовольствием вдохнул воздух квартиры. Воздух был наполнен тем ароматом, который парит в исключительно «женских» квартирах – слабый запах духов смешивался с мягким ароматом крема для кожи, с более острым призапахом шампуня, и ещё чем-то, что при вдыхании напоминало пушок персика. Казалось, что при попадании в нос, этот воздух норовит расшириться, будто стремясь перекрыть собой дыхательные пути. Этим воздухом невозможно дышать глубоко, но дышать им чертовски сладостно.

Глеб, не разуваясь, прошёл в большую комнату и остановился посередине, на глади явно хорошего линолеума.

«Вот твоё новое обиталище на ближайшее время», – сказал он, оставаясь к Егору спиной и слабо разведя руки.

Егор, сняв кроссовки, тоже прошёл в комнату. Довольно большая комната производила впечатление пустой, хотя в ней и была кое-какая обстановка. Напротив двери, у противоположной стены, стоял офисный стол, на котором стоял закрытый ноутбук и лежала довольно толстая пачка листов, исписанных крупным почерком. У стола стояло офисное довольно широкое кресло. Справа, в углу у окна, стоял на тумбочке большой жидкокристаллический телевизор. Слева, в глубине комнаты, стоял небольшой диван. И всё. На мелкопупырчатых побеленных стенах не было ничего. На потолке прилепился слишком маленький для размеров комнаты осветительный прибор, который никак не тянул на звание люстры.

Подойдя к столу, Глеб указал на исписанные листы:

«Вот твоя работа».

«Я должен проверять грамматику?», – криво усмехнувшись, спросил Егор.

«Нет. Ты должен приводить написанное в божеский вид. – Глеб прикоснулся кончиками пальцев к крышке ноутбука: – Умеешь пользоваться?».

Егор отрицательно покачал головой. Глеб поднял крышку ноутбука, открыв его нутро, мощённое достаточно большими сенсорными клавишами серебристого цвета, по углам которых, как боксёры на ринге, разместились буквы – красные русские и чёрные латинские. Глеб показал Егору, как включать ноутбук, как открывать текстовые файлы и как их закрывать, сохраняя изменения. Всё это вселило в Егора немалые сомнения и он спросил, не может ли он пользоваться бумагой и ручкой. Но Глеб сказал, что немаловажным является и то, чтобы эту писанину «перевести в цифру».

После этого Егор спросил с некоторой усмешкой:

«Ты что, хочешь чтобы я был, типа, „литературным рабом“?».

На этот раз криво усмехнулся Глеб:

«Поверь мне, это – он занёс ладонь над листьями, не прикасаясь к ним – не имеет никакого отношения к литературе. Это никогда не будет опубликовано».

«Тогда в чём смысл?».

«Смысл в том, – ответил Глеб, – чтобы это было приведено в божеский вид».

«Вообще-то, „божеский вид“ – понятие довольно абстрактное», – сказал Егор со смесью сомнения и некоторой насмешливости.

«Плевать на определения! Это должно быть переписано-перепечатано и сохранено в файлах».

Всё это время Катерина стояла в дверях комнаты, наблюдая за мужчинами с нейтральным видом. По её лицу невозможно было понять, как она относится к услышанному. Она стояла, уютно сложив руки под небольшими грудками, отчего они обтягивались тканью футболки и будто «выкладывались» на короткие плотные предплечья. Судя по всему, эту позу Катерина приняла бессознательно, потому что как только, скользнув взглядом вниз, она увидела как «выложена» её грудь, она тут же развела руки по бокам, потянув вниз подол футболки. Потом, когда она поняла, что мужики ни на что такого внимания не обратили, на её округлом симпатичном лице появилась тень насмешки. Прозевали, чувачки!

В этот момент, снова показывая на стопку бумаги, Глеб говорил Егору:

«У тебя на это четыре дня. Потом будет новая... партия. – Он мотнул головой в направлении Катерины: – Катерина будет тебя кормить. Причём вкусно. Но ничего большего от неё не требуй. Учти, она из тех девственниц, у которых даже малейший намёк на „поползновение“ вызывает яростную агрессию. Располосует тебя своим младым маникюром в ленточки».

«Малолетками не интересуюсь. Тем более, целками», – буркнул Егор, не удержавшись от слабой усмешки.

Поочерёдно одарив мужчин эксклюзивно девичьим презрительным взглядом, Катерина «приговорила» их спокойным тоном:

«Жлобы. И кстати, у меня нет маникюра». – Она показала им свои маленькие розовые ногти, потом чуть более розовый язык, и ушла на кухню.

Глеб и Егор обменялись усмешливыми взглядами. Потом Егор спросил:

«Я могу выходить на улицу, прогуливаться?».

«Можешь. Но только во дворы. Они тут достаточно большие, так что есть, где размяться. Но учти, попытаешься выйти за пределы двора – окажешься вот здесь точно так же, как сегодня оказался в своей квартире. И про выпивку забудь капитально. Не достанешь ни каким макаром, уверяю тебя».

«Жёстко. Но ведь любая работа должна оплачиваться», – на лице Егора появилось слегка вопросительное выражение.

«Не волнуйся. Всё будет оплачено по высшему тарифу».

Не зная почему, Егор поверил Глебу, каким-то образом чётко сознавая, что в его словах нет ни малейшего подвоха. И Глеб это знал. Теперь он умел и так. Это было мастерство. А ведь чертовски приятно быть мастером!

Когда через несколько минут Егор закрыл дверь за Глебом, Катерина, выглянув из кухни, спросила:

«Есть хочешь?».

«Да», – ответил Егор, внезапно ощутив, что действительно голоден.

«Тебе зразы с грибами или с овощами?».

«С овощами, пожалуйста».

Понимающе кивнув, Катерина «втянулась» в кухню, скрывшись в ней из виду, как симпатичный котёнок, выяснивший, что можно успешно прятаться, забираясь под одеяло хвостом вперёд. Егор, сначала, чуть воровато, заглянув в маленькую комнату, которая просто «провоз-

глашала», что в ней живёт девушка (и этот по-хорошему удушливый запах там был намного гуще), прошёл в большую комнату, где сел на диван, пытаясь хоть как-то уразуметь восприятие того, что с ним происходит.

3

Оставив Егора с Катериной, Глеб пошёл в направлении, перпендикулярном тому, которым они подошли к дому. Выйдя из дворового пространства, он перешёл довольно широкий бульвар и оказался у самого первого, и «самого элитного», жилого комплекса в этом районе. Пройдя по какому-то «иностранному» внутреннему двору (с изящными фонарями, мощёными тротуарным камнем дорожками, симпатичными скамейками, соседствующими с ухоженными кустами шиповника), он подошёл к подъезду и набрал 48 на видеодомофоне, не заботясь о том, чтобы смотреть в объектив видеокамеры. Вскоре дверь открылась с мелодичным переливом.

Глеб поднялся на второй этаж, где уже была открыта дверь, в которой стоял немолодой мужчина с густыми чёрными волосами, заметно продёрнутыми сединой. Он был одет в приличного вида спортивные штаны и синюю футболку, которая, не будучи заправленной в штаны, плотно обтягивала округло выпирающий живот.

«Здравствуйте, Семён Иванович», – поздоровался Глеб.

«Привет. Заходи».

Через довольно большую прихожую они прошли на кухню. Много лет живя в однокомнатной «хрущёвке», Глеб не очень понимал, на кой чёрт людям нужна кухня в двадцать пять квадратных метра. Если ещё жилой метраж – под сто «квадратов», – не «по-домашнему» высокие потолки, и небольшую сауну (прикольно!) он ещё мог понять-признать, то такую кухню...

Семён Иванович сел за стоящий посередине кухни большой стол, где перед ним стояли большой бокал с чаем и тарелка бутербродов с варёной колбасой, и указал Глебу на стул с высокой спинкой, стоящий напротив него.

«Садись. Чая хочешь?».

«Нет, спасибо».

«Что там с „корректором“?».

«Доставил. Поселил».

«Работать будет?».

«А куда он денется? Вы же знаете, как эта писанина действует на людей».

«Да уж. Будем надеяться, у него получится. Хотя бы процентов на тридцать».

«А этот всё пишет?».

«Строчит, сукин сын. Как у него кисть не отвалится?! Ведь он левша и пишет вот так». – Семён Иванович сильно согнул кисть левой руки и поводил ею над столом, изображая манеру левшей писать.

«А не пробовали не давать ему писать?».

«Пробовали. Помнишь всплеск насилия, особенно над детьми, в прошлом году? – Увидев утвердительный кивок Глеба, Семён Иванович отхлебнул чай. – Во-от. Так всем дороже выходит. И убить этого козла нельзя. Перекосит. Нет ничего паскудней, когда часть баланса превращается в балласт, который нельзя сбросить».

Некоторое время они молчали – Семён Иванович доедал бутерброд, а Глеб бессмысленно оглядывал пространство большой кухни, стены которой были выложены плиткой, один ряд которой был украшен пасторальными картинками. Но если плитка на стенах воспринималась Глебом как вполне нормальное, то вот плитка на полу вызывала у него какие-то «казённые» ассоциации. Было в этом что-то от больницы, если не от морга.

Через несколько минут, выпив до капли остатки чая из бокала, Семён Иванович сказал:

«Сейчас на бульвар подъедет Каземирыч. Поедете с ним на Предзаводской, разберётесь с одним козлом. Иди».

Он не стал провожать Глеба до двери, так что тому пришлось самому некоторое время разбираться с довольно сложным замком. Нет, всё-таки снаружи и с ключами – легче. Захлоп-

нув за собой дверь, Глеб некоторое время оглядывал большую чистую лестничную площадку, не удержавшись от бессмысленного вопроса самому себе, хотел бы он жить в этом доме. Оставив многоярусный ответ в дословесном состоянии, Глеб вышел из дома и неспешно пошёл на бульвар.

Владимир Каземирович, на своём «Форде», подъехал через несколько минут. Когда Глеб сел в машину и они поздоровались, Владимир Каземирович спросил:

«Филолога доставил? – и когда Глеб утвердительно кивнул, поинтересовался: – „Тойота“ в содомии с ЗИЛом – твоя работа?».

«Так приехали ведь».

«А по-другому нельзя было? Поспокойней как-нибудь. Там люди и менты до сих пор толкуются».

«Да и хрен с ними! Доля их такая, стало быть. Между прочим, чтоб ты знал, этот козёл любил катать на своей машине мальчиков, которых потом... А что там за дело на Предзаводском?».

«Перегибщик. Режет „подорожниц“ на Грузовой почём зря».

«Что они ему сделали?».

«Да не могут они ему ничего сделать по причине его алкашного бессилия. Вот он и взбесился».

«Слушай, а какое нам дело до проституток? Какая разница – „дерут“ их, или режут? Шлюхи ведь».

На пару секунд оторвавшись от дороги, Владимир Каземирович взглянул на Глеба, после чего снова обернулся к лобовому стеклу.

«Они тоже люди, Глеб. Какими бы они не были, и как бы к ним не относиться. Но главная мерзость заключается в том, что они – необходимы. Подвид людей с такими мозгами, как у них, необходим для этого долбанного равновесия. А вот человек, который обнаружил, что людей можно убивать запросто – это перегиб».

Остальной путь они проделали молча. А путь был не близкий. Предзаводской район располагался на другом конце города, распластавшись своими частными домами с огородами между стоящими на окраине города заводами и тем районом города, который уже можно было считать чисто городским. Но, конечно, и жители этого «частного сектора» считали себя жителями безусловно городскими. В этом было что-то... почти мутационное. По крайней мере, для Глеба, который внутренне слегка передёрнулся, когда они въехали на улицы, отороченные низким, по большей части, домами, стоящими за разномастными заборами.

В конце концов, они свернули с довольно хорошо асфальтированной дороги на улочку с давно укатанным в гладь щебнем. Немного проехав, они остановились за несколько метров до стоящего на обочине мужика бомжеватого вида. Когда они вышли из машины, он указательно кивнул на дом, стоящий справа от них, и быстро пошёл прочь.

Это был дом с некогда побеленными стенами, с облупившимися голубыми ставнями, с крышей, покрытой шифером, часть которого, казалось, намеревалась эту крышу покинуть. От скособоченной калитки к крыльцу вела довольно узкая дорожка, выложенная разномастными деревяшками, сквозь соединения которых пробивалась жухлая трава вперемешку с засохшей грязью. Было довольно легко представить, как после дождя эти доски проседают под тяжестью проходящих по ним и грязь, тихо чмокая, продавливается в щели.

Они поднялись на три вытопанные ступени, выполнявшие роль крыльца, и толкнули дверь, ведущую в сени. Она оказалась открытой. А вот оббитая тёмно-зелёным дерматином дверь в дом была заперта. И тут никакое всегдашнее наличие ключей не могло помочь. Крючки, знаете ли.

Глебу и Владимиру Каземировичу пришлось довольно долго колотить в дверь, прежде чем она открылась. Их глазам предстал заспанный мужик в измятой голубой майке на лямках

и довольно больших трусах красноватого цвета. Глеб понял, что ошибался, считая, что подобные «персонажи» ушли в прошлое лет десять назад. Вот он! Такой же ошмёток прошлого, как и весь район, в котором он обитает.

«Что надо?», – слабо раздражённо, по причине непросыпу, сиплым голосом спросил мужик.

Его незванные гости молча зашли в дом, оказавшись на кухне, и закрыли за собой дверь. Их обоняние тут же было «опущено» запахом, который Глеб определил как «деревенский». В детстве они с матерью гостили у двоюродной бабушки в деревне, где в доме пахло так же. Глеб мгновенно вспомнил этот запах – немного влажный, немного тёплый, самую малость затхлый, и, кажется, хранящий в себе остатки запаха некогда варившейся здесь картошки «в мундире». В этом доме последний «ингредиент» отсутствовал. Зато присутствовал сильный сивушный запах.

«Чего надо?», – снова спросил мужик уже более окрепшим голосом.

«Собирайтесь, милейший, – сказал Владимир Каземирович. – Пора».

«Чего „пора“? Куда это собираться?».

Владимир Каземирович подошёл к мужику почти вплотную и тихо сказал:

«Платить пора. Понравилось проституток резать? А за такие удовольствия тем паче надо платить».

На лице мужика появилось выражение страха.

«Вы из милиции?», – спросил он не понятно что выражающим тоном.

«Не-е, мил человек, – протянул Владимир Каземирович лже-успокаивающим тоном, резко сменив его на спокойно серьёзный: – Всё гораздо хуже».

Страх на лице мужика достиг максимально возможного уровня. Неожиданно схватив Владимира Каземировича за плечи, он оттолкнул его в сторону печи и попытался прорваться к двери мимо Глеба. Глеб с большим удовольствием воспользовался случаем, чтобы проявить свои способности, которые он обрёл (или они были раскрыты из него) на своей Работе. Мужик с тихим визгом ринулся от него в большую комнату, явно стараясь добраться до окна. Не добрался. Нагнав мужика, Глеб схватил его за шиворот и шёпотом приказал: «Одевайся», после чего спокойно наблюдал, как мужик торопливо натягивает на себя довольно грязные брюки. Больше никакого сопротивления он не оказывал.

Водитель фуры ничего не мог сделать, когда на дорогу, прямо под колёса его «МАН» «а, выбежал мужик с обезумевшим выражением лица. Пока многотонная машина остановилась, она успела переехать человека передними и задними, двойными, колёсами тягача. Немолодой водитель, вызвав милицию по мобильному, опасливо взглянул на передавленное тело человека и к противной дрожи в ногах добавилась подкарауливающая слабость в коленях. Лицо мертвеца так и осталось искаженным смешанным выражением отвращения и ужаса.

Приехавшие милиционеры вскоре заметили, что руки «пострадавшего» вымазаны грязью вперемешку с кровью. Обойдя придорожные кусты, они обнаружили явно раскопанную яму, в которой лежал труп женщины со включено разорванными животом и маткой, из которой был вытащен зародыш, на котором виднелись следы ножевых ранений.

Двое милиционеров помоложе, как ни старались, не смогли удержаться от того, чтобы блевануть под ближайшие кусты. Пожилой полноватый майор – местный участковый, – довольно громко сглотив, сказал:

«Это – Людка Гусева. Проститутка. Пропала пару недель назад. Блин! Неужели она собиралась третьего рожать?! И так уже двух девчонок выродила, невесть зачем и кому».

«Похоже, кто-то был категорически против, и сделал ей наикрутейший аборт, – криво усмехнулся молодежавый капитан. – А того, под машиной, не знаете?».

«Петька Климов. Живёт, то есть жил, на Автодорожной. Ни в чём таком, кроме алкоголизма, не замечен. В том числе и в интересе к бабам. Жена от него ещё год назад ушла. И правильно сделала, кстати. Пацана лучше растить подальше от такого папаши».

«Может быть, он от этого обозлился на женщин и убил эту как бы символично убивая жену?».

«А не сложновата ли психологическая мотивация для алкоголика?».

«Чёрт его знает!», – пожал плечами капитан.

«А вы уверены, что это он её убил?», – вступил в разговор совсем молодой сержант, более-менее очистив рот от блевотины.

Капитан с майором переглянулись, после чего, слегка пожав плечами, капитан сказал:

«Очевидно, что он её раскопал. Стало быть, он знал, где она закопана. Вывод?».

«Но почему он это сделал? И именно так».

И хотя вопрос сержанта не был никому адресован, на него, но так же в никуда, ответил участковый чуть повышенным слабым возмущением тоном:

«А хрен его знает!».

Возвращаясь в город (настоящий!), Глеб и Владимир Каземирович молчали. Впрочем, они всегда, будучи вместе, по большей части, молчали. К тому же сегодня у них была для этого весомая причина – усталость. Не так-то просто – свести с ума человека тем, что он сделал, как бы не было сделанное им ужасно. Это ублюдок сломался только на зародыше; и то не потому, что осознал «двойное убийство», а просто от чувства омерзения. Его так и пропирало желание блевануть, да нечем было. Лениво вылезавшие из разорванной брюшины его жертвы черви доконали его окончательно. Его даже выталкивать по машину не пришлось. Всё сам.

Когда они подъехали к дому Глеб, он, сказав «До встречи», вышел из машины, которая тут же отъехала, и некоторое время просто стоял во дворе. Хотя был уже не ранний вечер, но он был летний, так что во дворе всё ещё играли дети. Несколько молодых мам, следя за своими, и не только своими, чадами, сидели на лавочках близ игровой площадки. Как-то отстранённо, Глеб смог оценить, что их (не его, почему-то, а ИХ) двор, окруженный кирпичными «хрущёвками», довольно уютен.

Вот только его тенистость ничуть его не манила, играющие дети не пробуждали в нём чуть умильной радости, их мамы, будучи одетыми в одежду, которая находилась где-то между определениями «домашняя» и «выходная», не вызывали в нём интереса. И ему не захотелось хотя бы слабо улыбнуться девчонке лет тринадцати, которая, когда он подходил к своему подъезду, вышла из него и придержала дверь, избавляя его от необходимости лезть в карман за связкой ключей. Хотя, конечно, он её поблагодарил спокойным тоном.

4

Взявшись за «рукопись» (рукопись – исключительно в том смысле, что это было написано рукой), Егор быстро понял, какой это бред. Такой, к которому больше всего подходит, по звучанию – особенно, слово «делириум». На первый взгляд, это была жуткая ахиней. Но потом становилось понятно, что в этом есть определенный смысл. Но наличие смысла только усугубляло ощущение бредовости в впечатлении от читаемого. И было совершенно не понятно, что с этим надо делать.

«... Это витает в воздухе. Иногда некоторые люди вдыхают это, и оно попадает в их лёгкие. Но потом оно не проникает в их кровь, как кислород или никотин, а пропитывает ткани лёгких, постепенно проникая в остальной организм. И тра-а-а-вит. Но люди этого не знают. Травятся, и не знают...

...Никто ничего не знает. Каждый знает «что-то». Многие думают, что знают «много». Они верят в это. Иначе они не могут. Кто готов, даже не признать, а просто осознать, что он ничего не знает? Никто. А значит – никто никогда ничего не будет знать...

...Тьма переливается. Над людьми. Среди людей. В людях. Да пребудет Тьма! Прибывает и пребывает. Упоённо – видеть то, в чём видеть нельзя. Но можно видеть тех, кто находится во тьме, но не видит этого. А ещё сладостней видеть тех, кто верит. Они верят, что нашли путь к свету и даже видят его. На самом деле, это всего лишь иллюзия. Ведь, реально, они почти не дышат, вдыхая То, и кислородное голодание мозга вызывает видение света. Но света нет. Есть только освещение. Которое не противник Тьме...

...Мразь – вездесуща...

...Чтобы ощущать себя живыми, людям нужно «трогать». И не просто «касаться», но «осязать». А поскольку человек очень быстро привыкает к чему угодно, он постоянно стремится попробовать прикоснуться к чему-то ещё. И ещё. И многим, чтобы чувствовать себя наиболее живыми, требуется «осязать» то, к чему нельзя прикасаться. Хотя, не «нельзя», а «запрещено». Но именно «запрещенное» даёт им ощущение наиполнейшей жизни. Мерзости – живее всего живого...».

И так далее, и тому подобное. И что прикажете считать «божеским видом» относительно этой ахиней?! Егор не знал, что с этим можно сделать, и начал просто переносить написанное в текстовой файл.

Сначала это получалось у него довольно медленно – он подолгу водил пальцем над клавиатурой в поисках нужной буквы. Но вскоре он привык к расположению букв и рука как бы машинально начала двигаться в сторону нужной буквы. Правда, иногда, в место «к» он получал «л», а вместо «м» – мягкий знак, потому что нажимал латинские «к» и «м». Но это – пустяки.

Так же постепенно и незаметно, как сноровка в печатании, пришло понимание того, что следует делать с этой «извыписанной» белибердой, как её надо «выпечатывать». Это стало Егору почти ясно. Правда, это немного, совсем чуть-чуть, поубавило ясности его собственного сознания, но это было не заметно. Да и кому замечать, собственно?

Да, была Катерина. И это, надо признать, было... славно. В её присутствии было что-то чертовски уютное. Не очень хорошо, конечно, но в восприятии Егора того, что рядом с ним живёт симпатичная девушка было что-то сродни (с далёкой «родни») восприятию милого домашнего животного. Нехорошо это как-то, всё-таки! Но эта ассоциация сидела в сознании Егора до бешенства прочно, хотя, если рассудить логически, никаких оснований к тому не было.

Прежде всего, Катерина кормила его и «обеспечивала быт». Причём делала это с чертовски уютной естественностью. Ну и кто из них тут «домашнее животное» в таком случае? Но у Егора, почему-то, не получалось относиться к Катерине как к «хранительнице домашнего

очага». Может быть потому, что это «возвело» бы её в его сознании на уровень близкий к определению «жена»? Такого быть «не могло-не должно». Но и относиться к ней как к дочери – хотя по возрасту, с лёгкой натяжкой (ему – тридцать девять, её – двадцать), она «годилась» ему в дочери – у Егора тоже не получалось. Он не мог не замечать симпатичную плотность её бёдер и колыхание небольшой груди при ходьбе, когда Катерина не стесняла себя лифчиком, но при этом не испытывал ни малейшего сексуального позыва. Чёрт знает, что такое, честно говоря!

Он бы удивился, если бы узнал, как это сокликается с сутью судьбы Катерины.

Она была из тех девчонок, которые не стыдятся собственной наготы. Так что с самого раннего детства она пользовалась популярностью у пацанов, которым без проблем показывала то, что им, почему-то, очень хотелось видеть. Она не понимала, что им в этом такого радостного, но забавлялась осчастливленным выражением их мордашек, неосознанно испытывая некоторое высокомерие.

С возрастом у неё так и не появилось чувство смущения по отношению к своей наготе, так что она продолжала «осчастливливать» пацанов, правда, теперь с одним условием – «руками не трогать». Но им всё чаще хотелось большего. Но тут Катерина была тверда. Она ведь знала, как это противно, когда чужие пальцы вминаются в плоть промежности.

И она всё чаще стала замечать в глазах многих пацанов, особенно тех, кто немного постарше, это противное выражение. Только через несколько лет она определит его как «потребительское». И они всё «лезли». Тогда она осознала, что у неё есть определённая репутация, и она не очень хорошая. И что многие не прочь воспользоваться ею в свете её репутации. Она решила не позволять никому пользоваться ею.

Но всё-таки она допустила это, когда ей было двенадцать.

Это был довольно симпатичный двадцатилетний парень, живущий в соседнем доме, про которого было известно, что он занимается фотографией. Звали его Максим. Вот он и предложил Катерине «поработать его фотомodelью». Это было лестно, и она согласилась.

Почти сразу он уговорил её сниматься «в неглиже», а вскоре и вовсе гол... нет, он говорил «обнажённой», и Катерине нравилось то отношение к ней, которое звучало в этих его словах. Ей так же нравилось ощущать себя фотомodelью, почти как модели «Плэйбоя», кассеты с которым ей показывал Максим, чтобы она училась «позировать». Её совершенно не волновал вопрос правильности, или неправильности, происходящего с ней. К тому же, Максим платил ей кое-какие, хоть и не большие, деньги, что ей очень нравилось и отрывало некоторые приятные возможности.

И её не озаботило, когда она узнала, что Максим размещает её фотографии в Интернете. Она даже попросила его показать ей, на каком сайте выложены её снимки. Там она увидела множество других девчонок – и постарше её, и младше, – которых в подсознании определила как себе подобных. А значит – не одна она такая «неправильная». А может быть, и не «неправильная»? Да и у Максима, кроме неё, снимались ещё три девчонки; а это уж совсем «за компанию».

То, что в тринадцать лет у неё начала расти грудь и появились волосы на лобке, не пробудило в Катерине никакого смущения. Наоборот – она считала, что теперь в ней появляется больше, что можно (можно-можно!) показать. Она всё больше чувствовала себя взрослой. Вскоре она могла, намеренно спокойно, сказать, что не придёт сниматься по причине «критических дней». Она ощущала себя настоящей моделью, и ей это очень нравилось.

Всё закончилось, когда Катерине было четырнадцать. Максим решил, что уже можно переходить от «эротики» к реальной порнографии. По опыту он знал, что начинать нужно «с малого». То есть – с минета. Естественно, ему. Катерина, конечно, возмущённо отказалась. Он попытался «соблазнить» её, показывая видеозапись, где такие же девчонки как она занимались сексом со взрослыми мужиками. Катерина потом долго искренне удивлялась, как он мог предположить, что её «заведёт» такая мерзость.

Потом он попытался её принудить. Схватив её, он полез ей в промежность, при этом глядя ей в лицо с противной улыбкой и выжидательным выражением. Катерина громко вскрикнула со смесью омерзения, возмущения и страха, ударила Максима сначала кулаком в глаз, потом лбом, с размаху, в нос, что позволило ей вырваться, схватить свои вещи и выбежать из квартиры Максима, чуть не забыв прихватить в прихожей свои кроссовки, будучи в одних белых носках (он обожал снимать её в одних носках).

Так закончилась её «карьера фотомодели».

И тут Катерина обнаружила, что у неё нет настоящих подруг; да и просто подруг. Ровесницы, и почти все около того, смотрели на неё с презрением. Ровесники – с потребительским интересом. Получалось, что все о ней всё знают. Причём это «Всё» было гораздо больше реального «всего». Можно сказать, что её считали практически проституткой. Если не настоящей, то уж ТОЧНО будущей. Ну и что прикажете делать в этой ситуации? Доказывать свою девственность, показывая целостность девственной плевы? Ничего такого Катерина, естественно, не делала, и никому ничего не пыталась доказать.

Поскольку в школе она никогда особой успеваемостью не отличалась, после девятого класса Катерина поступила в швейное училище. Вскоре после этого её мать «сошлась» с мужчиной, с которым Катерина критично не поладила, что подвигло её уйти жить в общежитие.

Вот здесь всё стало иначе. Здесь никто не знал о её прошлом, так что в общежитии у неё была репутация «жуткой недотроги». Её новые подруги, почему-то, сильно удивлялись её девственности, и посмеивались над отношением Катерины к вопросам секса. И почему-то регулярно пытались «подогнать» ей парня для «этого дела». Но Катерина всегда успешно избегала того, чего ей не хотелось. У неё даже появилась некоторая сноровка делать это изящно.

Но вот других «прелестей» общажной жизни она не избежала. Сначала была выпивка. И не мало. Потом появились наркотики. Поскольку Катерина с детства боялась уколов – это были «курево» и «колёса». И этого тоже было не мало. Много и довольно долго. Потом она сама после-опасливо удивлялась тому, как ей, в пребывании в таком состоянии, удалось не потерять не только жизнь, но и девственность.

А потом и эта жизнь закончилась. Неожиданно, естественно. Кто ожидает, что окажется в непотребном от «дури» состоянии валяющемся в уличной грязи, что его подберут, по сути, похитят, и обустроят в новой жизни. Вопрос о том, какого рода эта жизнь, снимается.

Всё это сделал пожилой, но явно крепкий и подтянутый, человек, которого звали Леонид Петрович. Он подобрал Катерину, поздним осенним вечером упавшую в грязь около узкой пешеходной дорожки и не способную подняться, осторожно усадил в машину и увёз в какую-то квартиру. Там он её раздел, затащил в ванну, где помыл под душем. Пребывая в наркотическом одурении, Катерина могла только глупо лыбиться, будучи уверенной, что сейчас ею, наконец, «попользуются».

Но мужчина, вымыв Катерину, уложил её в постель, приятно пахнущую чистым бельём, проигнорировав её глупые «призывные» жесты – типа раздвигания ног и зазывного выражения лица, накрыл её одеялом и вышел из комнаты, погасив свет. Перед тем, как окончательно «отключиться», Катерина решила, что «расплату натурой» с неё возьмут потом.

Но потом было совсем другое. Вначале было отвыкание от наркотиков. Не такое уж и «ломкое», надо сказать. А потом было привыкание к новой жизни; и к своей новой роли в этой жизни. И эта роль Катерину устраивала. Плевать, что, по большому счёту, её положение можно расценивать как подневольное. И пусть в большей степени подневольное, чем у большинства остальных. Её же это устраивает. А что ещё надо?

Ей действительно ничего больше не было нужно. Это её одиночество было гораздо лучше предыдущих. И здесь от неё не требовалось ничего противного ей. Что касается семьи.... А кто сказал, что у них с матерью была хорошая, настоящая семья? Сейчас Катерина понимала-чувствовала, что ничего такого у неё не было. И это было не результатом анализа её про-

шлой жизни, а просто выводом из осознания того, что она не испытывает ни малейшей тоски по матери.

Правда, почти через год, Катерина, с некоторым опасением, пошла в тот район, где раньше жила, сама не зная зачем. На одной из знакомых с детства улиц она увидела свою мать. Мать тоже её увидела. Реакция матери вызвала у Катерины лёгкую оторопь. Выпустив на лицо смесь удивления и испуга, женщина зажмурилась, потрясла головой, будто ей что-то привиделось, и перекрестилась. Потом она открыла глаза, и хотя Катерина оставалась на том же месте, было очевидно, что мать её не видит, к своему явному облегчению. Всё это слегка резануло какие-то глубинные, трудно определяемые словами чувства Катерины, и она быстро покинула «родной» микрорайон.

Впоследствии она заметила, что стала той, на кого вообще мало обращают внимания. Её действительно частенько просто не замечали. Впрочем, это нисколько её не ранило, поскольку то внимание, к которому она привыкла с детства, будили в ней эмоции сродни противной отрыжки, а другого она не знала.

Так что её устраивала роль «хозяйки пансиона», чья задача заключалась в обеспечении питания «постояльцев» и в поддержании порядка. В конце концов, чем не работа и чем не жизнь, обеспечиваемая выполнением этой работы? И её теперешний «постоялец» – Егор – был практически идеальным, поскольку, в отличие от парочки других, не делал никаких «поползновений в её сторону». Ему явно ничего не было от неё нужно, кроме еды и маломальского порядка с постельным бельём.

Он даже сам стирал свои вещи, благо машинка-автомат обеспечивала удобство этого процесса. А главное – им не приходилось «уживаться» друг с другом, поскольку, хоть они и жили в одной квартире, они оставались чужими людьми.

Так что некому было замечать те малейшие перемены, которые происходили с Егором по мере его работы с несуразными текстами.

5

Теперь музыкальный центр будил Глеба в десять утра. Но это не было поводом вставать с постели. Понятие «нормированный рабочий день» ушло из жизни Глеба. Хорошо бы, навсегда. Теперь у него либо была работа, и её надо было делать вне каких-либо графиков, либо её не было, и тогда он был св... волен. Сегодня он как раз и был волен. По крайней мере, пока.

Повалявшись минут двадцать, рассеяно слушая радио-ведущих, он почувствовал-решил, что пора вставать. Свой обычный «утренний моцион» – убрать постель, включить чайник, пойти умыться – он проделал автоматически, когда клоки его сознания были размётаны между совершаемыми действиями и доносящийся из динамиков информацией. Но и то и другое было просто фоном для безмыслия.

Он замешал себе в блендере (да здравствует современная техника!) омлет из двух яиц, ветчины и пол помидора, пожарил и уже выкладывал на тарелку, когда услышал, как вставляются и поворачивается ключ в замке.

На мгновенье в нём взбулькнули тревога и желание броситься в прихожую. Но тут же он понял, что это, чтоб его, Каземирович, и продолжил очищать сковородку от клочков омлета (ну почему он никогда не перемещается на тарелку целиком?!).

Через несколько секунд на кухню вошёл Владимир Каземирович, по-свойски уселся на ближайшую табуретку и тихо сказал:

«Приятного аппетита».

«Нежёвано летит! – чуть раздражённо буркнул Глеб. – Мог бы и позвонить. Я ведь дома».

«А зачем? – Владимир Каземирович чуть пожал плечами, покрывив губы в намёке на улыбку. – Мне так привычней и удобней. Да и быстрее. Терпеть не могу ждать у дверей».

«Вообще-то, это не очень этично. В данном случае, по крайней мере», – сказал Глеб, сосредоточившись на том, чтобы омлет не упал с вилки по пути от тарелки в рот.

«Да плевать мне на этику! Как, впрочем, и тебе. И исключения в этом невозможны. Что ты и сам прекрасно понимаешь».

Сознавая, что Владимир Каземирович, как всегда, прав, Глеб похерил слабые позывы к спору и, хлебнув чая, спросил:

«Работа появилась?».

«Появилась».

В этот момент из комнаты донёсся «мультишный» голосок: «Эй, хозяин, тебе тут какой-то хрен звонит!». Это был «реалтон» мобильного Глеба.

Пройдя в комнату, Глеб взял елозящий в вибрации по полированной поверхности журнального столика телефон и взглянул на дисплей. Номер звонившего не определялся. Глеб нажал кнопку и поднёс телефон к уху.

«Да».

«Погибель грядёт! – проверещал довольно противный тенор, пронизанный истеричными нотками. – Никто не спасётся! Грядёт погибель великая!».

После этого раздалась гудка отбоя. Положив мобильник обратно на столик, Глеб неспешно вернулся на кухню, так и не решив – стоит ли ему озадачиться, или обойтись лёгким раздражением. Он принялся доедать яичницу, когда Владимир Каземирович спросил:

«Это насчёт грядущей гибели?».

Глеб, будучи с набитым ртом, взглянул на него с выражением, в котором лёгкое удивление заволакивалось пониманием того, как обстоят дела.

«Да, – кивнул Владимир Каземирович, – тебе не первому позвонили».

«Кто это?» – спросил Глеб, проглотив прожеванное и поднося бокал с чаем ко рту.

«Не известно. Одно понятно – всё очень серьёзно».

«Никаких сомнений?».

«Ни малейших».

«Что будем делать?».

«Выяснить. Искать».

«Что? Где?».

«Везде. Доедай, и отправляемся».

Но искать хорошо, когда знаешь ЧТО и ГДЕ искать. В принципе, неплохо искать, когда точно знаешь ЧТО надо искать. Даже определённое ГДЕ может сгодиться для поисков. Но когда не известно ничего... Нелепо – пытаться что-то искать «методом тыка». Так недолго «тыкнуться» лбом в стену, а то и носом в дерьмо.

Но в тот день они проехали по городу без толку, так и не обнаружив никаких «зацепок», посредством которых можно было выйти на новоявленного «творца». Они прекрасно знали, что не бывает никаких «знамений», или даже просто «знаков». Есть только действия, и люди, которые творят эти действия. Или, что ещё хуже, что-то хотят сотворить этими действиями. И вот поди, обнаружь такого «делателя»; и желательно до того, как наступят последствия.

Это обнаружилось на следующий день. Им, можно сказать, повезло. Только не ясно – в кавычках или нет.

Они ехали по неширокой улице, а им навстречу двигалась синяя вазовская «семёрка». Они бы и внимания на неё не обратили – разве что слегка бы удивились, что это тольяттинское «корыто с болтами» способно развивать такую скорость – если бы «семёрка», не снижая скорости, не вырулила бы на тротуар, прямиком на шедшую по нему, в сторону движения машины, группу молодёжи.

Большинство парней успела отпугнуться в сторону, и даже оттащить за собой пару девушек – только одного парня слегка задело крылом за бедро, – а вот две девушки были сбиты основательно. По ногам одной из них он проехал и передним и задним колёсами. После этого «семёрка» выехала на проезжую часть и быстро уехала прочь.

И сразу вспомнились новостные сообщения о том, что в последнее время участились случаи, когда водителей «выносят» на тротуар, где они сбивают прохожих или людей, стоящих на остановках. Причины этого определялись разные – технические неполадки, «человеческий фактор»... Вот именно! Только, похоже, это был такой «человеческий фактор», в настоящие истоки которого не поверится большинству людей. Люди просто не верят, что такое может быть.

Наплевав на две сплошные, Владимир Каземирович развернулся и погнал вслед за «семёркой». Они довольно долго колесили по городу, пока не подъехали к большому гаражному кооперативу, занимающему довольно большую площадь ещё с советских времён. Заметив, в какую «аллею» свернули «Жигули», Владимир Каземирович остановил машину, и дальше они с Глебом пошли пешком.

Когда они подошли к единственному в «аллее» открытому гаражу, хозяин собирался уже закрывать большие ворота. Хозяином «семёрки» оказался полноватый мужик, на вид – лет пятидесяти, с большой лысиной на затылке, нелепо прикрываемой редкими, зачесанными слева, волосами.

Когда Владимир Каземирович взялся за створ ворот, не давая их закрыть, мужик, подозрительно зыркнув, зло спросил:

«Чего надо?!».

Попытавшись мило улыбнуться, Владимир Каземирович сказал:

«Видишь ли, милейший, мы – твоя погибель, которая уже здесь».

Сначала на лице мужика выразилось удивление, которое вскоре сменилось пониманием, затем стёртое выражением явно безумной радости.

«Ааааааа! – патологично протянул мужик. – Всё уже свершилось! Вы ничего не сможете сделать!».

«Сможем, сможем, – успокаивающе-убедительным тоном сказал Владимир Каземирович. – Скажи-ка, зачем людей давишь? Да ещё молодёжь».

«Так должно», – ответил мужик «важным» тоном, который прибавил ему оттенков безумия.

«На кой чёрт?! – слегка раздражённым и непонимающим тоном спросил Глеб. – Девкам ноги... я понимаю – раздвигать, но ломать... Зачем?».

«Как раз потому, что слишком легко они их раздвигают!», – обличительным тоном выпалил мужик.

«А откуда ты знаешь, что эти, которых ты сбил, именно такие?».

«Да все они такие, сучки! У самого доченька такая!».

«Понятно», – выдохнул Глеб.

«Что тебе понятно, падла?! – возмущённо выкрикнул мужик. – Ты, недоумок, решил, что это моё личное, да?! А вот хрен ты угадал! Это – великое дело. И тут вы ничего не сможете сделать. Мы вас сделаем».

«Кто это „мы“?», – спросил Владимир Каземирович.

Решив, что сболтнул лишнего, мужик насупился.

«Узнаете в своё время», – зло бормотнул он.

«Конечно узнаем – успокаивающе-тихо протянул Владимир Каземирович, оглядываясь по сторонам. – Конечно мы всё узнаем». – Он начал отгеснять мужика внутрь гаража.

«Только не от меня», – не очень уверенным тоном проговорил мужик, пятясь к машине.

«Не от тебя, так не от тебя», – соглашающимся тоном сказал Владимир Каземирович, приперев мужика к стене гаража.

«И что ты собираешься делать?», – не очень уверенным, но с потугами на вызов, тоном спросил мужик.

«Убить тебя», – спокойно ответил Владимир Каземирович.

Он достал из внутреннего кармана пиджака небольшой пистолет и щёлкнул предохранителем. На лице мужика перемешивались выражения недоверия, страха и истерично улыбочивого безумия.

«Вы меня не запугаете!», – срывающимся голосом выпалил мужик.

«А никто и не собирается», – тихо уверил его Владимир Каземирович.

«Но вы же не можете просто взять и убить меня?», – не очень уверенно спросил мужик, пытаясь выложить на губы надменную улыбку.

«Запросто», – убедительно ответил Владимир Каземирович, приставил пистолет ко лбу мужика и нажал на курок.

В пространстве металлического гаража выстрел прозвучал довольно противно. Мужик завалился на грязные деревяшки пола, оставив на стене гаража большой мазок крови и ошмётков мозга.

Удостоверившись, что в «аллее» никто не появился, они спокойно закрыли гараж (ключи от него Владимир Каземирович взял с собой, сказав, что выкинет их на другом конце города), и пошли к машине. Глеб не стал задавать никаких вопросов. Он отлично знал, что если что-то сделано – то так и должно.

Им ещё предстояло разбираться с «источником» всего этого безумного паскудства с «грядущей погибелью». Ведь очевидно, что за этим кто-то стоит. Кто?

6

Работа с этой писаниной оказывало на Егора всё большее влияние. С одной стороны – его воротило от этой чухни, но с другой – его неодолимо тянуло к тому, чтобы «переписать-переложить-переиначить» эти патологичные тексты, «выпечатать» их на белом фоне текстового редактора. В состоянии Егора появлялось всё больше такого, что подходило под определение «делириум».

Но его самосознание оставалось ещё достаточным, чтобы стараться хоть ненадолго уходить от муторной тяжести этой его работы. Поэтому он нередко выходил на прогулку во двор, где летний воздух, пронизанный детскими вскриками и множеством других, не нуждающихся в определении, звуков, немного рассеивал его «делириумное» состояние.

Это был довольно большой квартал, состоящий, как бы, из нескольких дворов. Внутри этого квартала было всё – школа, два детских сада и даже небольшой стадион. Казалось, что самодостаточность этого квартала такова, что вне его может вообще ничего не существовать. Но ведь существовало! И это было видно в проёмы между домами. Егор видел, как там ездят машины, как оттуда «входят» и «выходят» туда люди. «Входят, и выходят». Было очевидно, что ими не ощущается в этом ничего необычного. Как такое может быть недоступно?! Но Егору...

Однажды он всё-таки попытался выйти на бульвар. В конце концов, что может помешать человеку прошагать пару сотен метров и выйти «на другую сторону домов»? Для этого понадобились бы буквально считанные шаги.

Он очнулся от того, что Катерина похлопывала его по щекам, и обнаружил себя стоящим в равнодушно знакомой прихожей. Увидев, что он пришёл в себя, Катерина спустила слабенькую озабоченность с лица и чуть ехидно-снисходительно улыбнулась:

«Пытался удрать, глупенький?!».

Егор утвердительно кивнул, после чего чуть сдавлено спросил:

«Как я здесь очутился?».

«Притопал на автопилоте. Ну и рожа у тебя была, надо сказать! Ты, наверное, всех детишек во дворе распугал».

«Без понятия», – буркнул Егор, проходя в комнату.

Последнее, что он помнил – это своё осознание того, что до пространства, ограниченного панельными стенами двух домов, за которым виднеется оживлённый бульвар, остаётся совсем немного. И тут появился какой-то странный запах; он был такой необычный, что у Егора не успели появиться никакие ассоциации. После этого «ВЫКЛ.». И даже щелчка не было.

Весь остаток этого дня он чувствовал себя омерзительно. И эту омерзительность умножало то, что ему хотелось сесть за ноутбук и заняться бредовой писаниной. Егор запретил себе это матерным усилием воли.

Хорошо, всё-таки, что была Катерина. Она, каким-то образом, всегда знала, когда не надо навязывать Егору общение, а когда можно, а то и нужно, поболтать. Причём не обязательно обоюдно. В этот вечер это было Егору просто необходимо. Ему клинически нужно было поговорить; не важно о чём.

Поскольку в этот раз он снова отказался от зраз с грибами на обет, Катерина, поедая именно такие зразы, спросила с легчайшей заинтересованностью:

«А ты что, грибы совсем не ешь? Боишься отравиться?».

Проглотив пережеванную котлету, Егор ответил:

«Я буквально физически не могу есть грибы. Видишь ли, когда мне было десять лет, мы с матерью гостили у родственников в деревне. В той деревне жила многодетная семья. Восемь детей. Представляешь? Так вот, однажды мать уехала куда-то по делам, оставив дом на мужа и старших детей. А был грибной сезон. В общем, днём дети сходили в лес за грибами, а вечером

старшие дочери приготовили из них ужин... Знаешь, вереница из девяти гробов произвела на меня такое впечатление, что я просто не способен положить себе в рот грибы. Ни в каком виде».

«Господи! – тихо пробормотала Катерина. – Что же стало с бедной женщиной?».

«Кажется, она сошла с ума. Что и понятно. О её судьбе я ничего не знаю, честно говоря».

Катерина потерянно высмотрелась в тарелку, где она, кажется бездумно, отделяла вилкой кусочки грибов от фарша. Через некоторое время, не поднимая глаз, она сказала полу-извиняющимся, чуть-чуть детским, тоном:

«А я люблю грибы. Мне нравится».

Егор почувствовал некоторый укор совести от того, что, похоже, вызвал у девчонки опасливое отношение к тому, что ей нравится. Поэтому он сказал успокаивающе-бодрим тоном:

«Да и на здоровье! Ты пойми – моя нелюбовь к грибам обусловлена сильнейшим впечатлением, полученным в детстве. Это коренится там и игнорирует все мои зрелые знания и понимание насчёт грибов. Я прекрасно понимаю, что грибы – это не страшно. Не знаю точно, как это называется в психологии, но во мне существует сильнейший запрет на грибы, который, наверное, можно преодолеть, но поскольку он не мешает мне жить... Знаешь, несколько лет назад мы с друзьями выезжали в лес. В настоящий лес, а не пригородные лесопосадки. Был уже сентябрь, так что грибов было не мерено. Их даже искать не надо было. Я никогда не думал, что мухоморы могут быть такими здоровыми. Ну, знаешь, все эти детские впечатления из книжек. А тут стоят такие здоровенные, можно сказать – жирные, мухоморы! И, надо признать, их вид впечатлял. Машка с таким восторгом плясала вокруг них».

«Машка – это кто?».

«Дочка моя. – Егор невольно улыбнулся. – Ей тогда лет шесть было».

«А сейчас ей сколько?»., – спросила Катерина.

«Одиннадцать», – ответил Егор, мысленно пнув себя за то, что ему понадобилось несколько миллисекунд, чтобы вспомнить возраст дочери.

«Так ты семейный человек?».

«Был. Мы развелись несколько лет назад».

«Почему, можно спросить?».

«Алкоголизм, знаешь ли, – омерзительная штука. Жить рядом с этим невозможно».

«А ты кто по профессии?».

Егор скривил губы в презрительной ухмылке:

«Учитель русского языка и литературы. После школы я был уверен, что именно им и хочу быть, поэтому пошёл на филфак. А после него – работать в школу. Мне, идиоту, понадобилось шесть лет, чтобы понять, что это „не моё“. Паршивый из меня учитель, в общем».

«Почему?».

«Понимаешь, у меня есть неплохие способности делиться знаниями. Но для учителя, хорошего учителя, этого – недостаточно. Учитель должен уметь „вдалбливать“, „впихивать“, „втюхивать“ знания, да так, чтобы у последнего дебила на „камчатке“ что-то да осталось в башке. А на это я не способен. Как потом выяснилось, и референтом, и „бизнесменом“ я тоже не способен быть. А вот сантехником или дворником – вполне».

После этого они просто закончили ужин, ограничившись общими фразами.

На следующий день Глеб привёз новую «порцию» писанины. Егор слегка опасался, что Глеб, увидев, что Егор не закончил с предыдущей партией, будет возмущаться. Но Глеб промолчал. Поэтому Егор решился спросить:

«Слушай, какой урод пишет всю эту белиберду?».

«Тысячапроцентный урод. Я сам его не видел, но знаю, что это невообразимое НЕЧТО. Это всё – всё, что только возможно – БЫВШЕЕ. Слишком долго пришлось бы объяснять, да и незачем. Просто работай».

«Просто работай!» Легко сказать! До чего же гнусно – погружаться в эту словесную массу, которая, кажется, облепляет изнутри твою черепную коробку, отдавливает от неё мозг, чтобы занять его место. Что самое омерзительное – к тебе постепенно приходит понимание того, что это значит, как оно важно, и что с этим нужно делать.

«... Люди – это гниющие язвы во внутренностях бытия. Бытие прогниваемо ими. Они растлевают детей, стряхивают из жизни стариков, убивают тех, кто с ними вровень, и тем бывают живы. И даже если ничего такого они не делают, они всё равно подпитываются знанием о таких вещах, радостно довольствуясь тем, что подобное «минует их»...

Человеческая сущность – как грязное нижнее бельё того, кто редко его меняет, плохо подтирается, считает в порядке вещей спускать в него «законные последние капли». И при этом человек верит, что его срам закрыт. Ну да, закрыт. Только чем?! Очень часто «прикрытие» омерзительней того, что оно прикрывает. Но человеческая сущность не прикрывает ничего. Она сама по себе в своей омерзительности. И прикрыть её ничем не возможно. Да, грязное нижнее бельё можно прикрыть роскошными нарядами, но, в конце концов, кто-нибудь всё равно полезет под них. Ведь такова человеческая сущность...

...Хвала тем, у кого кишка не тонка покончить с собой. Это прозревшие, у которых хватает сил осознать своё состояние в этом мире и покинуть его. Правда, они всё равно остаются в нём мерзостью своего поступка в глазах других. И они позволяют другим нивелировать собственную мерзость сравнением с мерзостью другого. Так хвала ли им?...

...Когда-нибудь всё кончится. Но когда? И как? А может не кончится? Ведь люди могут жить практически в любых условиях. Значит – человеческая мерзость вечна? Что с этим можно сделать? Что-нибудь можно сделать? Кто знает. Кто-нибудь знает? Ведь человек...».

После полутора недель работы с этой мерзостью Егора снова потянуло «на волю». Его обуревало желание выйти на бульвар, забежать в ближайший продуктовый магазин, купить бутылку водки и тут же влить её в себя, засунув горлышко поглубже в рот. Он знал, что будет трудно не выbleвать всё обратно, но он был готов расстараться. Ему необходимо было напиться. Жизненно, или смертельно, но необходимо.

Этим ранним вечером он вышел на прогулку, прихватив с собой те деньги, что оставались с ним ещё с той, прежней жизни. Он постарался уйти как всегда, чтобы Катерина ничего не заподозрила. Она и не заподозрила.

Некоторое время он неспешно прогуливался по большому двору, а потом решительно направился к проёму между домами, в котором виднелся, почему-то кажущийся по-другому вечерним, бульвар. Надо было просто идти прямо. Егор настроился исключительно на это. Шагать! Шагать! Что может быть проще?! Шагать! И думать нечего! Шагать прямо!

Когда до домов оставалось несколько шагов, Егор почувствовал, как начинает мутиться сознание. Да и чёрт с ним! Много ли сознания нужно, чтобы шагать? Шагать! Появился какой-то запах. Плевать! Плевать и шагать! Он прошёл уже половину торцовых, без окон, стен домов, которые, казалось, грозятся завалиться на него. Сознание затухало всё сильнее, но его ещё хватало для того, чтобы делать шаги. Шагать!

Сознания хватало даже для того, чтобы понять – запах, удушающее заполняющий нос и гортань, вызывает ассоциации с сухим сеном, перемазанным мазутом. В детстве, будучи в той самой деревне, он залазил в гусеничный трактор и даже оттягивал его рычаги. Вот тогда он умазался мазутом на гусеницах. Но если тогда в запахе мазута ощущалось что-то почти приятное, а сено, в копну которого они прыгали с крыши коровника, немного суховато благоухало, то теперешний запах просто душил. Но шагать можно и не дыша полной грудью. Шагать!

У него получилось. Он прошагал проём между домами и вышел на тротуар. Но та малость сознания, что теплилась в нём, была настроена на одно – шагать. И он продолжал шагать. Прямо. Он быстро пересёк тротуар и вышагал на проезжую часть, где был сбит «бычком», водитель которого никак не мог предотвратить наезд. Егор так и умер, находясь в том состоя-

нии сознания, где важным было «просто шагать!» и стараться не задохнуться, неизбежно утыкаясь лицом в сено, почему-то перемазанное мазутом.

7

Теперь он мог «сожрать» что угодно и сколько угодно. И он был способен не переваривать «поглощённое». И это было хорошо, потому что большую часть того, что ему приходилось «проглатывать» невозможно было переварить без вреда для человека. А ещё он мог вообще ничего не «поглощать». Теперь он не нуждался ни в питании, ни в утолении голода. Не в кулинарном значении этих понятий, естественно.

Жизнь Глеба теперь не «состояла из...», а «проходила по...». Или просто ПРОХОДИЛА. Была работа. Важная работа. Или её не было. Или она была в «подвешенном» состоянии, как с этой неопределённостью (всё ещё) насчёт заморочек с «грядущей погибелью». Но Глеба не заботило никакое состояние. А какая разница? Нет, работа, когда она есть, имеет какое-то, и даже немаловажное, значение, но он это просто знал, не ощущая. Вот, например, погиб этот чёртов «корректор» (и как ему удалось прорваться?), и теперь этого долбаного писаку снова некому «править» и его писанина опять выхаркивается в реальность в своём «чистом» виде. Но Глеба это нисколько не заботило. Вот если ему прикажут найти очередного «корректора» – это будет его работа. А до тех пор...

Глеб был теперь из тех людей, которые – как солома. В принципе, солома – это уже мёртвая трава. Но она ещё кое на что годится. И не только на подстилку, как чаще всего, но и на корм коровам. С этого можно даже получать молоко. Мёртвая трава, да?! Существует такой же подвид людей. Или, скорее, мутация? Не важно. Ясно одно – человек может жить и так. И даже...

Город

Это был закрытый город. Так называемый «почтовый ящик». Название у него было стандартное, но это не уменьшало некоторой его нелепости. Горск-9. Можно было подумать, что где-то в округе разбросано ещё восемь Горсков. А если учесть, что поблизости никаких гор не наблюдалось... в общем, понятно.

Городок существовал благодаря сверхсекретному институту, занимающимся какими-то, естественно, сверхсекретными, разработками. Большинство жителей было связано с работой в этом институте, за исключением тех, кто работал в инфраструктуре городка. (Не правда ли, звонкий эпитет для, скажем, сантехника – работник городской инфраструктуры? Но, опять же, куда мы без продавцов и дворников?). Поэтому существовало негласное, но очень стойкое, социальное деление на «элиту» и «всех остальных». Правда, надо сказать, для большинства людей в их обыденной жизни и общении это деление было только поводом для шуток и подколов. И всё-таки...

Горск-9 был небольшим, аккуратным, довольно зелёным городком. Он был чистеньким до восторженности. Практически – райский уголок. Оно и понятно – «чуть-чуть» повышенный уровень радиации не имеет особых внешних проявлений. По крайней мере, в тот относительно короткий период времени, что существовал город.

Большинство зданий в городе были панельными пятиэтажками. С них то и началось... не понятно что. Почти одновременно на торцах зданий, где не было окон, по углам, у самых крыш появились какие-то вздутия в бетоне. Они медленно, но упорно увеличивались, покрываясь трещинами. До какого-то момента эти вздутия напоминали растрескавшуюся тыкву, а потом начинали активно бугриться, будто покрываясь разнокалиберными волдырями. Как ни странно, но этого не замечали даже дети, у которых, обычно, направления взглядов любопытных глазёнок намного шире, чем у взрослых. Однако, начало осталось незамеченным, а потом...

Всё-таки есть что-то обволакивающее в ощущении, когда возвращаешься домой после некоторого отсутствия, пусть даже не очень долгого. В тебя будто возвращается то привычное, что слегка забылось. Буквально на уровне вестибулярного аппарата. И на уровне инстинкта. «Своя норка». Правда, есть такие люди, которым всё равно, где «обитать»; где покормили – там и очаг, где уснул – там и ночлег. И что это, ещё один «признак человека разумного», – ведь большинство животных имеют свои норы, берлоги, или, по крайней мере, ареалы обитания – или же это ещё одно человеческое отклонение от природы? Чёрт его знает.

Борис приехал домой на каникулы после окончания четвёртого курса «политеха». И хотя Горск-9 находился совсем не далеко от областного центра, где он и учился, у Бориса было ощущение, что он покинул большой мир и очутился в таком уютном закутке, в заповедной зоне спокойствия. Быть может, это было связано с укоренившегося в нём с самого детства ощущения самого себя как жителя «закрытого» города; тогда ему виделась в этом какая-то значимость, ставившая его немного (совсем чуть-чуть) выше по сравнению с жителями «простых» городов. С годами это лёгкое внутреннее зазнайство прошло, но ощущение закрытости родного городка осталось. И в этом было что-то необъяснимо уютное.

По приезде, после изрядной доли материнской радости по этому поводу, Борису была представлена сводка местных новостей. Катька – белобрысая соседка по подъезду, в которую он, кажется, был влюблён в детском садике – «выскочила» замуж, предварительно «залетев». Цирк, да и только. Тётя Валя развелась с дядей Семёном, когда выяснилось, что у него есть молоденькая любовница. А «бедная Валюша» столько лет лечила любимого мужа от импотенции, потратив на это уйму денег. Ради кого, спрашивается. Мишку Гренкина, одноклассника

Бориса, посадили на семь лет за грабёж. И зачем только его родители «откупили» от армии? А Надежда Фёдоровна, заведующая библиотекой, умерла в марте.

«А что случилось? – удивлённо-встревоженно спросил Борис. – Она же, вроде, не такая уж и старая была».

«Пятьдесят семь лет всего, – вздохнула Галина Петровна. – Рак по-женски».

Это было сказано с выражением некоторой обречённости. Что ни говори, а знание о близости ядерного реактора, находящегося в институте, постоянно довлело над жителями городка, не смотря на все уверение о безопасности. Все мы люди разумные, так что... радиация – она и есть радиация.

Борис немного припечалился. Библиотекарша было симпатичной, очень милой женщиной, которая всегда хорошо к нему относилась, потому что он довольно много читал. Вопреки распространенному представлению о библиотекаршах, как о худышках со всегда серьёзным выражением лица и стержовым характером, Надежда Фёдоровна была очень приветливой женщиной, выглядевшей немного «по-деревенски», но при этом очень интеллигентная и эрудированная. И ещё, от неё всегда приятно пахло. Борис, как ни странно, хорошо помнил этот запах. С ним было связано что-то... бог его знает что, но кажется, это имело отношение к подростковому периоду его жизни. Честно говоря, он тогда не упускал возможности зыркнуть в разрез её платья. Надо сказать, посмотреть было на что. Простите великодушно, Надежда Фёдоровна! Кстати, обе её дочери были такими же симпатичными. К сожалению Бориса, они были старше его, так что они «пересекались по жизни» ровно постольку, поскольку являлись жителями небольшого городка.

«А кто теперь заведует библиотекой, – спросил Борис, – тётя Зоя?».

«Нет, она отказалась. Да ей до пенсии полтора года осталось. Приехал какой-то пожилой мужчина. Говорят, откуда-то с дальнего востока. Ещё месяца не прошло, так что о нём никто ничего не знает. Вроде бы, в библиотеке пока всё по-прежнему. У Надежды Фёдоровны там всё было в порядке, ты знаешь, так что не думаю, что ему нужно будет что-то менять. Хотя, „новая метла“... и всё такое».

«Будем надеяться, что он не „выметет“ что не следует. Наша библиотечка иной городской фору даст». – Борис встал из-за стола, поблагодарил мать за ужин и пошёл в свою комнату.

Комната Бориса была угловой, и поэтому с самого детства воспринималась им как в некоторой степени «особенная» комната. Эту особенность ей придавало, скорее всего, то впечатление, которое производило на его детскую фантазию знание того, что за вот этой сплошной стеной находится ни другая комната, а уже открытое пространство улицы. Кстати, по этой самой причине в зимнее время стена была довольно холодная, отчего в комнате было не очень уютно, а угол обычно промерзал до синюшности. Но это была его личная комната, и ему не очень нравилось, когда мать жаловалась знакомым или родственникам на эти недостатки. Тогда ему виделось, или слышалось, в её словах что-то уничижительное по отношению к нему самому: мол, приходится жить бедолаге в таких вот условиях; а куда деваться? Но он не чувствовал себя бедолагой. Это была его собственная комната. И это было здорово.

Правда, когда он подросток, у него возник несколько недоуменный вопрос: почему проектировщикам этого дома не пришло в голову сделать торцевую стену с окнами. Ведь в областном центре полно таких домов. Он видел, когда они с мамой ездили в цирк. Да и второй стояк центрального отопления не помешал бы. Или, по «социалистическим стандартам», спальня с двумя окнами и батареями считалась ненужным излишеством? Сие неизвестно.

Теперь Борис бывал зимой дома не много – только на каникулах – и за своим письменным столом, стоящим у холодной стены рядом с шифоньером, сидел редко. Это во времена школьных домашних заданий веющая от стены прохлада не давала ему раскиснуть в вечерней лени. И даже подгоняла его побыстрее «расквитаться» с заданным (значки № и & в днев-

нике олицетворяли для него что-то, налагающее обязательства) и «быть свободным», хотя бы по ощущению. Своего рода стимуляция, кстати.

Но теперь, тёплым летом, в комнате с окном на северо-восток было приятно прохладно, и поэтому чертовски уютно. Вот уж воистину – человеческое представление об уюте прямо противоположно природно-погодным условиям. Что это – наглость или взбалмошность? Поди, пойми. Так уж мы устроены. (Железная «отмазка» на любые нелюбезные вопросы и претензии).

Расслабленно растянувшись на старом диванчике, который перекочевал в его спальню после долгожданной покупки новой мягкой мебели (это тогда, когда ему было тринадцать, она была новой), Борис некоторое время безмысленно смотрел на чуть шевелимые ветерком ветви растущей за окном рябины. Ему очень нравилась рябина, но только вот так, за окном. Особенно весной, когда она цвела, и осенью, когда густо-красные листья оттеняли комнату, будто вышёптывая в её атмосферу эхо летнего тепла. К сожалению, красные гроздья на фоне первого снега оставались нетронутыми совсем не долго; «запасливые» люди старательно обрывали практически всё (хоть бы птичкам на зиму что оставили, так нет) и... и тогда мама варила рябиновое варенье. Как же он ненавидел этот запах! И что вкусного в нём находят люди?! А воробушки зимой голодают! Да! У рябины есть что-то общее с павлином – только любоваться, и ничего больше.

Отведя взгляд от окна, Борис посмотрел в угол у самого потолка и с некоторым удивлением заметил, что, похоже, угол промёрз настолько, что даже сейчас, в конце Июня, сохранял противный цвет несвежего синяка. Кажется, пропал угол.

Вздутия на углах домов продолжали увеличиваться, приумножая степень собственной искажённости. Глубокие трещины в бетоне стали напоминать перекошено разинутые пасти неведомых чудовищ, которые, будто, пытаются высвободиться из плена бетонных стен. Если бы кто-нибудь заснял это специальной камерой для покадровой съёмки в течении некоторого времени, то при воспроизведении это, наверное, напоминало бы гротескную пародию на роды... чего-то. Но все эти процессы по-прежнему оставались незамеченными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.